

БОРЬБА С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В БССР В 20-Е И 40-50-Е ГГ. XX В.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Бездель В.Е., зав. кафедрой
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»

Ключевые слова: история детства, беспризорность, безнадзорность, НЭП, Великая Отечественная война, детский дом.

Реферат. В статье рассматривается социальная политика советского государства по устройству детей, оставшихся без родителей, в условиях преодоления государством последствий войны в 20-е и 40-е – 50-е гг. XX в.

Положение детей, охрана материнства и семьи являются одними из важнейших показателей состояния общества. Если объективно проанализировать современную детскую политику в Республике Беларусь, других странах постсоветского пространства, то становится очевидным, что она базируется на наиболее значимых социальных достижениях советского прошлого: всеобщем обязательном бесплатном среднем образовании; диспансеризации и профилактике детских заболеваний; сети бесплатных детских кружков и секций при школах, Домах культуры, Домах пионеров и школьников; профилактике социальных «пороков» – детской проституции, алкоголизма и наркомании и т. д. В связи с этим возникает необходимость осознания и обобщения опыта чрезвычайно насыщенного и сложного XX века, а именно периодов преодоления последствий военных действий: в 20-е гг. и 40–50-е гг. XX в.

Рассмотрение и анализ этого явления представляется актуальным, поскольку, феномен детства является предметом самостоятельного, фактически непредставленного в современной белорусской историографии, направления – истории детства. Основная его идея заключается в том, что детство имеет свою историю: это представления о моделях детства, сформированных в обществе и реализуемых через государственную политику, детскую одежду, игры, литературу, кино и т. д.

Традиционно считается, что основателем истории детства стал Ф. Арьес, который в 1960 г. издал работу «Ребенок и семья при Старом порядке» [1]. В советской историографии оформление истории детства относят к 1970-м гг. XX в., что нашло отражение в первую очередь в работах, посвященных периоду средневековья [2]. Но проникновение в советскую историческую науку идей Ф. Арьеса происходило медленно в силу политических и идеологических причин. Распад СССР незначительно повлиял на ситуацию: изучение детства преобладало в рамках возрастной психологии, педагогики и вопросов охраны материнства и детства [3, с. 108].

В современной российской историографии поворотным моментом стала публикация книги Ф. Арьеса на русском языке в конце 90-х гг. XX в., а также выход в свет первой обобщающей работы по истории детства [4].

Отметим, что на сегодняшний день имеется обширный перечень публикаций по истории советского детства, представленных в первую очередь работами российских историков. В хронологическом срезе преобладают работы, как отмечают исследователи, посвященные периодам, трагическим для детства: дети войны, ГУЛАГа, русской эмиграции т. д. [5, с. 6].

Целью статьи является выявление общего и особенного в социальной политике по отношению к детям, потерявшим семью в результате Первой мировой и Великой Отечественной войн.

Основное содержание советской историографии, посвященной проблемам детства в СССР, так или иначе строилось на постулате «СССР – Родина счастливого детства» [6, с. 156].

Центральной идеей, которую позиционировало партийное руководство и в 20-е и в 40–50-е гг., состояла в том, что воспитание детей – прерогатива государства и партии. Главная задача семьи, матери в первую очередь, – успешно трудиться на благо нового советского общества. Приоритет общественного воспитания над семейным (частным) предполагал формирование стандарта такого воспитания. В первые же дни существования Советской власти забота о детях была провозглашена «непосредственной обязанностью государства» [6, с. 47]. Очевидно, что, решая вопросы детской беспризорности, государство апробировало заявленную систему воспитания в масштабах страны.

Белорусский историк А. П. Соловьянов, отмечает, что огромное количество беспризорных на территории Беларуси в 1920-е гг. появилось из-за разрушительных последствий Первой мировой войны, голода в Поволжье 1921–1923 гг. Дети концентрировались в основном в городах, приходя из сельской местности, где были более тяжелые экономические условия. Наиболее высок уровень беспризорности был в центрах губерний, пораженных неурожаем, – это Казань, Саратов, Покровск, Краснодар и др. Не намного меньше он был в городах, принявших голодающих детей, таких как Смоленск, Минск, Витебск, Гомель и др. Каждый день они толпами осаждали детские учреждения, прося принять их. Однако по словам А. Д. Калининой: «... вся беда заключалась в том, что их было такое огромное количество, а мест не было, и их некуда было девать» [7, с. 192].

Рост детской беспризорности взаимосвязан с ростом детской преступности: исследователи отмечают рост детских преступлений в начале 1920-х гг. Голод и беспризорность постоянно толкали несовершеннолетних на совершение краж. Например, в 1920 г. Витебская Губернская Чрезвычайная Комиссия не знала, что делать с беспризорниками, которые после неоднократных арестов и отправки в колонию бежали оттуда и продолжали грабить вагоны с продовольствием [8, с. 107].

Введение новой экономической политики, восстановление народного хозяйства несколько улучшили положение дел, однако уровень жизни населения оставался крайне низким. В результате низкого уровня жизни многие были просто не в состоянии содержать и воспитывать своих детей. В инструкции главсоцвеса заведующим окружными ОНО в 1926 г. указывалось, что в это время беспризорность оставалась огромной общественной проблемой в значительной степени вследствие материальных трудностей, нищеты городской и сельской бедноты. Дети деклассированной бедноты не имели трудовых навыков, становились постоянными посетителями базаров и пополняли ряды беспризорных [9, с. 182].

Великая Отечественная война и оккупация привели к увеличению количества детей-сирот, которые занимались попрошайничеством, совершали правонарушения, были потенциальными распространителями инфекционных заболеваний. Начиная с осени 1943 г., начала освобождения территории Беларуси, советские государственные органы занялись восстановлением системы детских учреждений, куда направлялись беспризорные дети. Как показывает анализ архивных документов, а также публикаций белорусских авторов, устройство детей-сирот не было беспроблемным: человеческие жертвы, голод, послевоенная разруха, дефицит промышленных и продовольственных товаров, распределительная система, нехватка квалифицированных педагогических и медицинских кадров, лекарств, халатное отношение к детям со стороны работников.

Изначально организация работы с беспризорными и безнадзорными детьми была возложена на органы НКВД, о чем свидетельствует постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 659 от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер по борьбе с детской

беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». После начала освобождения территории республики СНК БССР и ЦК КП(б)Б 12 октября 1943 г. приняли постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [10, с. 51]. Целью государственной политики в отношении беспризорных и безнадзорных детей был учет и выявление таких детей, определение их в соответствующие учреждения, усыновление, с течением времени полная ликвидация этого явления в советском обществе.

Учитывая, что положение воспитанников детских домов в БССР в целом было похожим, в марте 1945 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление «О мероприятиях по улучшению материально-бытового положения детских домов БССР». В нем отмечалось, что в некоторых детских домах (среди которых были Ушачский и Ветринский Витебской области) «дети крайне истощены. Органы торговли безответственно относятся к бесперебойному и полному снабжению детских домов продуктами питания, а Наркомторг БССР и отделы народного образования не принимают должных мер по улучшению снабжения продуктами питания» [11, л. 206]. Отметим, что обеспечить 100 % снабжение детских домов продуктами питания в 1944–1945 гг. было объективно невыполнимо, поскольку экономика БССР работала на потребности Красной Армии, снабжение гражданского населения продуктами носило нормированный характер. Конечно, имел место и человеческий фактор: факты воровства продуктов питания сотрудниками детских домов, которые усугубляли положение воспитанников.

Вместе с тем, кардинально изменить ситуацию на протяжении 1945 г. не удалось. В октябре 1945 г. в постановлении СНК БССР и ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по подготовке детских домов к зиме» отмечалось, что «большинство детских домов республики плохо обеспечено одеждой, обувью и особенно постельными принадлежностями и нательным бельем. ... Не изжиты факты разбазаривания продуктовых фондов детских домов» [12, л. 87].

Главной причиной детской беспризорности в 1944–1945 гг. стала Великая Отечественная война и ее последствия: смертность среди взрослого гражданского населения, вывоз на принудительные работы в Германию и т. д. Это отражено в документах по истории Витебского детского приемника-распределителя, функционировавшего в 1943–1955 гг.: «мать расстреляна/угнана/умерла во время войны», «отец в партизанском отряде/умер/убит немцами» и т. д. Начиная с 1946 г., к перечисленным обстоятельствам добавилась еще одно: «брошен матерью/подброшен к воротам ДПР/сдан в ДПР из-за материальных условий» [13].

Выявленная тенденция отражает особенности послевоенного развития БССР в целом. После окончания Великой Отечественной войны без жилья осталось почти 3 млн граждан, которые обустроились временно в землянках, подвалах, полуразрушенных домах, жили на подселении [14, с. 99]. Была введена карточная система распределения продуктов питания, промышленных товаров. В 1946–1947 гг. ситуация усугубилась засухой и, как следствие, голодом, который привел к сокращению количества граждан БССР, что находились на нормированном обеспечении хлебом [15, с. 107]. Не имея возможности прокормить своих детей, родители, чаще всего матери, отдавали их в детские учреждения, обеспечившиеся централизованно. Проблема выживания детей в детских домах, их смертность в первое послевоенное десятилетие, возвращение в семью, требует отдельного рассмотрения и анализа.

В 1947–1949 гг. происходят изменения в составе детей, поступавших в Витебский ДПР. Если в 1943–1947 гг. основная масса детей – это сироты, чьи родители погибли в годы Великой Отечественной войны, то начиная с 1948 г. основной контингент несовершеннолетних, зафиксированных в журналах учета движения

детей, – это дети, у которых был один или оба родителя, или «родительские» дети, как их называли в отчетных документах ДПР. Например, в 1951 г. в приемник-распределитель поступило 214 беспризорных ребенка, 293 безнадзорных; в 1952 г. – 151 беспризорный, 372 безнадзорных; в 1953 г. – 135 сирот, 360 безнадзорных; в 1954 г. – 72 беспризорных, 337 безнадзорных [15]. Подобная картина наблюдалась и в других регионах республики, например, в Брестской области [10, с. 51].

В 50-е гг. наметилась тенденция сокращения количества детей в детских домах. В СССР и в БССР получила распространение практика патронирования, опеки наряду с устройством детей в государственные учреждения, сказывались, конечно, последствия преодоления послевоенной разрухи. В 1956 г. на XX съезде КПСС Н. Хрущев заявил о создании школ-интернатов, которые станут показательными учреждениями гармоничного развития и воспитания детей, организованные по принципу постоянного нахождения в них детей, как имеющих, так и не имеющих семью, что также стало фактором сокращения количества детских домов. Так, в докладной заведующего сектором детских домов Витебского облоно 1956 г. отмечалось, что в области работает 29 детских домов, и многие из них малочисленны.

Повседневную жизнь воспитанников детских учреждений в 50-е гг. нельзя назвать беззаботной. Постоянные проверки детских домов всех областей БССР на протяжении указанного периода, к сожалению, констатировали сложности в обеспечении их питанием, одеждой, мебелью, дровами, недостаток врачей и нерегулярный медицинский осмотр, низкую успеваемость и, как следствие, проблемы с трудоустройством подростков. Недостаток финансирования, централизованное распределение товаров и продуктов стали причинами, по сути, хронических проблем детских домов, что ускорило их закрытие [16, л. 65].

В 1959 г. ЦК КПБ и Совет министров БССР приняли постановление «О мерах по улучшению обеспечения детских учреждений промышленными товарами и обмундированием» № 774, в котором очередной раз отмечались серьезные недостатки с материальным снабжением воспитанников. Поскольку решить проблемы путем нормированного распределения не получалось, руководителям детских учреждений было разрешено по своему усмотрению приобретать необходимые товары в торговой сети по безналичному расчету [17, л. 2]. В целом, комплекс мер, предусмотренный постановлением, не изменил ситуацию.

Таким образом, из проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Именно войны стали причиной массовой детской беспризорности на территории Беларуси как в 20-е, так и в 40-е гг. XX в.

2. Политика государства в отношении этой социальной группы в рассматриваемые хронологические периоды определялась общими партийными установками: приоритетом государственного воспитания над семейным.

3. Констатируем, что эффективность социальных мер государства в 1940-е гг. была выше, что подтверждается тенденцией к уменьшению количества детских домов на территории БССР. Это стало результатом функционирования жесткой советской командно-административной системы. В то время, как в 1920-е гг. государственный механизм еще не был сформирован.

Список используемых источников

1. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 416 с.

2. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 349 с.; Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии : Реф. сб. / [Редкол.: Бессмертный Ю. Л. и др.]. – М. : ИНИОН, 1980. – 300 с.
3. Ромашова, М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события / М. В. Ромашова // Вестник Пермского университета. Серия: история. – 2013. – Вып. 2 (22). – С. 108–116.
4. Сальникова, А. А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования / А. А. Сальникова. – Казань : Казанский гос. ун-т, 2007. – 255 с.
5. Ашенова, К. К. Советское детство: повседневная жизнь детей Омска (1961–1980 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К. К. Ашенова ; Омский гос. техн. университет. – Тюмень, 2018. – 27 с.
6. Смирнова, Т. М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. / Т. М. Смирнова; Институт российской истории Российской академии наук. – М. ; СПб. : Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 384 с.
7. Соловьянов, А. П. Повседневная жизнь беспризорных детей Советской России в 1920-е гг. / А. П. Соловьянов // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность; Материалы международной научной конференции: в 2 томах / ответственный редактор В. А. Веремченко. – СПб. : Издательство: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2018. – С. 190–194.
8. Соловьянов, А. П. Проблема беспризорности на Витебщине в 1920-е гг. / А. П. Соловьянов // Віцебскі край : матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай 80-годдзю ўтварэння Віцебскай вобласці, 22 лістапада 2018 г., Віцебск / Дзяржаўная ўстанова «Віцебская абласная бібліятэка імя У. І. Леніна», Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава», Кафедра гісторыі Беларусі ; рэдкал.: Т. М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2019. – Т. 4. – С. 107–112.
9. Соловьянов, А. П. Социально-экономическое положение населения в БССР в 1920-е гг. / А. П. Соловьянов // Советский этап в истории Беларуси : сборник научных статей участников Республиканской научно-теоретической конференции, Минск, 5 декабря 2019 г. / Белорусский национальный технический университет ; редкол. : В. А. Бобков [и др.]. – Минск : БНТУ, 2019. – С. 178–186.
10. Занько, Е. Ю. Решение проблемы детской беспризорности и безнадзорности в Брестской области (1944 – первая половина 1950-х годов) / Е. Ю. Занько // Вестник Полоцкого государственного университета. – серия А. – 2015. – № 9. – С. 50–57.
11. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Ф. 1966. – Оп. 5. – Д. 15.
12. ГАВО. – Ф. 1966. – Оп. 5. – Д. 17.
13. ГАВО. – Ф. 2425. – Оп. 1. Д. 3; Д. 6; Д. 10; Д. 11; Д. 17.
14. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946 – 2009 гг. / Л. Лыч [і інш.] ; рэд. калегія: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Современная школа, Экоперспектива, 2011. – 728 с.
15. ГАВО. – Ф. 2425. – Оп. 5. – Д. 28; Д. 13; Д. 10; Д. 21.
16. ГАВО. – Ф. 2797. – Оп. 2. – Д. 130.
17. ГАВО. – Ф. 2797. – Оп. 3. – Д. 9.